

НАКАНУНЕ ОПРИЧНИНЫ

Одним из последствий разрыва царя с Сильвестром и Адашевым стало возвращение к управлению государством лиц, удаленных из окружения монарха в середине 50-х годов. На первые места в государстве вернулись родственники царицы Анастасии — Данила Романович и Василий Михайлович Юрьевы. В начале 60-х годов XVI века Василий Михайлович вел переговоры с литовскими послами, высту-

пая в той роли, в которой ранее мы видели Адашева. Был возвращен из ссылки Никита Фуников Курцов, получивший в начале 1560 года пост казначея, еще более важный, чем пост, который он занимал до ссылки. Одновременно от двора удалялись лица, близкие Адашеву — постельничий Иван Михайлович Вешняков, его брат Данила и другие лица.

Если бы все ограничилось только этим, то происшедшее следовало бы определить, как довольно тривиальный дворцовый переворот, затронувший судьбы сравнительно узкого круга людей. Однако произошедшие перемены оказались гораздо более значительными. Царь не ограничился сменой отдельных лиц, стоявших у кормила правления государством, а предпринял попытку изменить традиционные нормы отношений между государем и кругом его советников.

В отличие от ряда европейских стран в России не существовало документов, в которых такие нормы фиксировались и скреплялись обязательствами монарха и его советников. Это, однако, не значит, что подобных норм вообще не существовало. Такие нормы, конечно, имелись и если не были зафиксированы письменно, то зато освящались древностью обычая, восходившего еще ко временам, когда князь был прежде всего предводителем своей дружины.

В XVI веке ни о каких личных контактах великого князя (затем — царя) с основной массой его военных вассалов не могло быть и речи; такие контакты сохранялись в основном в практике общения государя с кругом своих советников. Советник должен был верно служить государю, не жалея ради этого ни имущества, ни жизни, а государь должен был щедро награждать его за службу. Государь мог наказывать советника за совершенные проступки, но при этом следовало объявить ему вину в присутствии бояр и дать провинившемуся «исправу», то есть возможность высказать все, что он имел сказать в свое оправдание. О том, что эти нормы сохраняли свою действенность и в XVI веке, говорит текст, сохранившийся в митрополичьем формулярнике (сборнике образцов грамот и посланий) того времени, где от имени советника к правителю обращаются следующие слова: «Придет на нас от кого обмолва государю нашему, великому князю, без суда и без исправы не учинити нам ничего». В случае, если бы справедливость обвинений подтвердилась, государь мог карать за измену смертной казнью и конфискацией имущества (как поступил, например, Дмитрий Донской с Иваном Васильевичем Вельяминовым, вступившим в сношения с Ордой и литовским князем), а за иные провинности наложить на приближенного свою «опалу». Опальный не мог находиться в присутствии государя (о прощении одного из опальных в начале XVI века говорили, что ему «очи у великого князя взяли») и участвовать в управлении государством. Описание самой церемонии наложения опалы сохранилось в сочинении польского шляхтича Станислава Немоевского, написанном в начале XVII века. При объявлении

опалы царь бил попавшего в опалу боярина рукой по губам, а думный дьяк, поставив его посередине избы, горстями выщипывал ему бороду. Подвергшийся опале должен был каждый день ездить по Кремлю и посаду в черной одежде, черной шапке и черных сапогах и перед каждым снимать шапку.

Со временем государь мог вернуть опальному свою милость и снова включить его в круг своих советников. При этом большую роль играло освященное традицией право митрополита и епископов «печаловаться» за опальных. По печалованию митрополита правители неоднократно просили своим советникам не только служебные проступки, но и важные преступления (как, например, попытку отъезда в Литву). «Печалуюсь» за опального, митрополит и епископы как бы ручались за его верность государю в будущем. В случае нового нарушения присяги виновному угрожали не только наказания со стороны правителя, но и церковные кары (отлучение от церкви и проклятие «в сем веке и в будущем»). Принимавшийся снова в окружение государя советник приносил новую присягу верности — целовал крест у гробницы одного из святых патронов московской митрополии — митрополита Петра или Алексея.

Поручительство митрополита и епископов, снятие опалы и новая присяга на верность фиксировались в документе особого типа — «поручной записи». Наиболее ранний известный документ такого типа относится к правлению Ивана III.

Однако не только митрополит и епископы, но и светские приближенные правителя могли ходатайствовать о снятии с виновного опалы и выступать как поручители за его верность в будущем. В этом случае условия такого поручительства были другими: в случае, если советник, прощенный и возвращенный в круг приближенных государя, нарушив присягу, «куда отъедет или збежит», поручители должны были выплатить в великокняжескую казну значительное количество денег (несколько тысяч рублей — сумму в XV—XVII веках огромную). В этих условиях сложилась практика, когда с просьбой об опальном к государю обращалось несколько бояр — членов Думы, а финансовые обязательства принимал на себя более широкий круг лиц из числа членов «государева двора», связанных с опальным родственными или иными связями и готовых взять на себя ответственность за него.

Такая практика создавала своеобразный механизм «обратной» связи в отношениях между монархом и правящей элитой. Появление у опального широкого круга влиятельных поручителей свидетельствовало о наличии в правящем слое определенного недовольства действиями монарха и заставляло монарха вносить поправки в свою политику, соглашаясь в той или иной форме допустить опального к участию во власти.

Самостоятельная политика царя Ивана началась с попытки нарушить некоторые из этих традиционных норм.

Поводом для этого послужила смерть царицы Анастасии 6 августа 1560 года. Царица, по-видимому, так и не оправилась от болезни, постигшей ее осенью 1559 года. У историков сложилось довольно устойчивое представление, что царица благотворно влияла на своего мужа, смягчая тяжелые стороны его характера, а ее смерть способствовала тому, что эти стороны стали все сильнее проявляться, нанося отпечаток на поведение царя и его обращение со своим окружением. Такое представление возникло, по-видимому, еще при жизни Грозного. Англичанин Джером Горсей, агент «Московской компании» — объединения английских купцов, торговавших с Русским государством, — появившийся в России в 70-х годах XVI века, отмечал в своих «Записках», что Анастасия «была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные. Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом». Как бы продолжая Горсея, автор так называемого «Хронографа 1617 года» писал о царе, что после смерти Анастасии «превратился многомудренный его ум на нрав яр».

Иван, несомненно, был привязан к своей первой жене. Однако о каком-либо особом ее влиянии на супруга говорить, по-видимому, не приходится. Правда, согласно рассказу официальной летописи, во время похорон Анастасии «царя и великого князя от великого стелания и от жалости сердца едва под руце ведяху». Однако горе не помешало уже через две недели после смерти царицы начать хлопоты о заключении нового брака. Они завершились приездом в Москву в июне 1561 года Кученей, дочери кабардинского князя Темрюка, которая, крестившись под именем Марии, стала в августе того же года второй женой Ивана IV. В рассказе официальной летописи говорится о больших вкладах в монастыри, которые давал скорбящий царь по умершей жене. И действительно, мы знаем, что в августе 1562 года он дал по Анастасии в Троице-Сергиев монастырь заупокойный вклад размером в 1000 рублей, однако, когда в 1569 году скончалась Мария Темрюковна, Иван IV дал по ней 1500 рублей и золотое блюдо. К кабардинской княжне он, судя по всему, был гораздо более привязан, чем к Анастасии.

То немногое, что мы знаем о роли царицы Анастасии в политической жизни того времени, говорит о ее привязанности к своим родственникам Захарьиным, а также, по-видимому, о какой-то роли, которую она сыграла в удалении Сильвестра и Адашева от дел и возвращении Захарьиных к управлению государством. В такой ситуации становится понятным, почему на Сильвестра и Адашева и их приверженцев могла быть возложена ответственность за смерть царицы.

По словам князя Андрея Курбского (из «Истории о великом князе Московском»), после смерти царицы ее братья и другие «презлые ласкатели» стали внушать царю, что она погублена «чародейст-

вом», исходящим от Сильвестра и Адашева. Поводом к возникновению таких утверждений послужили, как представляется, неосторожные высказывания благовещенского священника, который объяснял царю, что болезнь его жены — наказание от Бога за то, что царь не следует наставлениям своих советников. Для рассмотрения обвинений и наказания виновных царь собрал совместное заседание Боярской думы и Освященного собора — собрания высшего духовенства во главе с митрополитом. Участие духовенства вполне объясняется тем, что чародейство, направленное против царицы, было тяжелым преступлением не только против государя, но и против церкви. Узнав об обвинениях, Сильвестр и Адашев прислали «епистолии» (письма), в которых просили вызвать их в Москву, чтобы они лично могли ответить на эти обвинения. Они обратились и к митрополиту, который на созванном соборе также настаивал на разборе дела в присутствии и при участии обвиненных. Царь, однако, настоял на том, чтобы показания обвинителей и свидетелей рассматривались в отсутствие Сильвестра и Адашева. Собор, по словам Курбского, завершился их осуждением. Во исполнение соборного решения постригшийся в Кирилло-Белозерском монастыре Сильвестр был сослан в Соловки — на остров «яже на Студеном море».

Рассказ Курбского при сопоставлении его с другими свидетельствами вызывает ряд недоуменных вопросов. В своем Первом послании царю Курбский обвинил Ивана в том, что тот преследует людей, «изменами и чародействы и иными неподобными облыгая православных». На это обвинение царь ответил тогда же кратко и определенно: «А еже о изменах и чародействе вспомянул еси, ино таких собак везде казнят». Таким образом, царь не отрицал, что казнил людей по обвинению в «чародействе» и считал эти казни справедливыми. Однако среди многих обвинений по адресу бояр в его Первом послании мы не находим обвинения в том, что они «чародейством» привели к смерти царицу Анастасию. Лишь много лет спустя, в конце 70-х годов, во Втором послании Курбскому он обвинил бояр в этом преступлении*. Не менее существенно, что в Первом послании Курбскому царь определенно заявил, что о том «злом», что совершил в отношении его Сильвестр, он намерен судиться с ним не здесь, а в загробном мире перед лицом Бога. Царь ограничился тем, что удалил из Москвы сына Сильвестра. И действительно, имеется ряд свидетельств о том, что Анфим Сильвестров был дьяком воеводской избы в Смоленске с 1561 по 1566 год. Вряд ли это могло иметь место, если бы его отец был осужден по обвинению в «чародействе». На рукопи-

* «Толко бы вы у меня не отняли юницы моее, ино бы Кроновы жертвы не было». Если принять во внимание, что греческого бога Крона, отца Зевса, царь считал богом ненависти и вражды, то по смыслу его слов умерщвление царицы следует считать главной причиной казни «жертв», принесенных царем на алтарь Крона.

сях Сильвестра, сохранившихся в библиотеке Кириллова монастыря, есть записи о присылке некоторых из них Анфимом отцу в этот монастырь. Из Кириллова же, уже будучи монахом, Сильвестр прислал большой вклад в Соловецкий монастырь — 219 рублей и 66 книг. Очевидно, что в Кириллове Сильвестр находился довольно продолжительное время, в то время как по смыслу рассказа Курбского он пробыл там всего несколько месяцев. Именно в Кириллов в конце 60-х годов душеприказчики дали посмертный вклад по Сильвестру-Спиридону и Анфиму. Все это позволяет утверждать, что, скорее всего, бывший наставник царя продолжал оставаться в Кирилловом монастыре, где он и скончался в конце 60-х годов XVI века.

Алексей Адашев умер гораздо раньше. По свидетельству Курбского, он пробыл в Юрьеве-Дерпте всего два месяца, здесь в «недуг огненный впал и умер». Составитель «Пискаревского летописца», специально интересовавшийся судьбой Адашева, отметил, что по приказу царя его похоронили в Покровском монастыре в Угличе рядом с могилой отца. Вряд ли в монастыре могли похоронить человека, официально осужденного за «чародейство».

Все это, однако, не позволяет считать весь рассказ Курбского чистым вымыслом. Очевидно, собор действительно рассматривал дела о «чародействе», причем обвиненные были казнены. В этой связи следует обратить внимание на сообщение Курбского о польке Марии, по прозвищу Магдалина, которая была казнена с пятью сыновьями как «черовница и Алексеева согласница». Весьма вероятно, что царь настаивал на заочном осуждении Сильвестра и Адашева, но, судя по всему, не смог этого добиться из-за противодействия митрополита.

Требование заочно осудить царского советника, обладателя думского чина, означало, что царь не намерен считаться с традиционными нормами отношений со своим окружением. Об этом говорит и другой предпринятый им тогда шаг, о котором мы узнаем из собственных высказываний Ивана IV. Рассказав в своем Первом послании Курбскому о том, как он отстранил Сильвестра и Адашева от государственных дел, царь далее отметил, что тем, кто не являлся их сторонниками, «повелехом от них отлучатися и к ним не приставати», и в знак того, что они будут соблюдать «царскую заповедь», эти люди принесли присягу — целовали крест. Об особых «присягах» царю его сторонников среди правящей элиты упоминает и Курбский в «Истории о великом князе Московском».

Так как все советники царя, получая из его рук думный сан, приносили ему специальную присягу верности (не говоря уж об обычной присяге всех подданных своему монарху), встает вопрос, в чем же был смысл и значение этой особой присяги. Анализ высказываний царя позволяет предположить, что, принося присягу, советники давали обязательство не присоединяться к мнению тех советников, ко-

торых царь считал приверженцами Сильвестра и Адашева. Таким образом, создав в составе Думы группу людей, связанных с ним особыми обязательствами, царь рассчитывал подчинить деятельность этого органа своему влиянию. Это было явным и очевидным нарушением всех традиционных норм. Вместе с тем избранный царем способ действий показывал, что он не рассчитывал подчинить Боярскую думу своему влиянию обычным, нормальным способом.

Можно предположительно очертить круг лиц, которые принесли царю особую присягу верности. В 1561 году, вступив в новый брак, царь составил новое завешание. В нем, в частности, царь называл имена тех лиц, которым доверял управлять страной в малолетство царевича Ивана в случае своей внезапной смерти. Документ этот не сохранился, но сохранился текст особой присяги, которую принесли будущие регенты. Очевидно, что это были люди, пользовавшиеся особым доверием царя.

Из бояр, составлявших «ближнюю думу» царя в середине 50-х годов, в число регентов вошли лишь князь Иван Федорович Мстиславский и родственники наследника Данила Романович и Василий Михайлович Юрьевы. Кроме этих трех бояр, в состав регентского совета вошли близкий родственник Юрьевых боярин Иван Петрович Яковлев, принадлежащий к большой семье Захарьиных, однородец Захарьиных окольничий Федор Иванович Умной Колычев, вскоре получивший от царя боярский сан, и двое дворян — молодых отпрысков знатных семей: князь Андрей Петрович Телятевский (из рода тверских князей) и царский кравчий князь Петр Иванович Горенский (из рода князей Оболенских). Эти молодые люди, начавшие служить в 50-х годах XVI века, попали в состав регентов как лица, особо близкие к царю. Известно, что Телятевского царь посылал в Юрьев расследовать обстоятельства смерти Алексея Адашева.

В состав будущего регентского совета не вошли ни двоюродный брат царя Владимир Андреевич Старицкий, ни племянник царя князь Иван Дмитриевич Бельский, ни родственники царя по матери князья Глинские, ни заседавшие в Думе представители наиболее знатных княжеских родов, такие, как Шуйские или «служилые князья» Воротынские. В таком подборе регентов проявилось стремление царя осуществлять управление государством при поддержке узкой группы лиц, в преданности которых он мог быть уверен. Представители рода Захарьиных вызывали доверие как родственники наследника, для доверия к другим регентам были, по-видимому, какие-то особые, нам неизвестные основания.

Такие действия царя должны были привести к серьезным трениям между ним и правящей элитой. Это и произошло. К сожалению, о конфликтах между царем и его советниками мы осведомлены совершенно недостаточно. О них мы знаем, как правило, из рассказов официальной летописи, в которой неоднократно отмечается, что

царь наложил опалу на кого-либо из своих приближенных, но почти никогда не говорится о причинах такой опалы. Не помогает делу и «История о великом князе Московском», так как целью Курбского в этом произведении было стремление показать, что царь без всяких причин налагал на своих подданных опалу и подвергал их казням. Ряд важных сведений дают «поручные записи», составлявшиеся при снятии опалы с виновных, они позволяют изучить реакцию правящей элиты на действия царя, но не дают понимания мотивов этих действий. Отсюда большое количество вопросов и малое число убедительных ответов.

Насколько можно установить, первые столкновения произошли у царя с его близкими родственниками, которые именно благодаря этому родству занимали первые места в Боярской думе. Первым попал в опалу двоюродный брат матери царя Василий Михайлович Глинский. Он начал службу при дворе как царский стольник и в 1560 году получил из рук царя боярский сан. Чем была вызвана его опала, мы не знаем. В июле 1561 года опала была снята по «печалованию» церковных иерархов, и Василий Михайлович целовал крест царю у гроба митрополита Петра. В официальной летописи эта опала никак не была отмечена. Гораздо больше известно об опале, постигшей в начале 1562 года другого родственника царя — князя Ивана Дмитриевича Бельского. Не считая Владимира Андреевича Старицкого, Бельский был наиболее близким родственником царя по отцу и поэтому, в силу своего происхождения, — первым по знатности лицом среди членов Боярской думы. При воеводских назначениях он мог занимать только пост главнокомандующего. Его родственные связи с царским домом еще более укрепились, когда царь выдал за него Марфу, дочь своего бывшего опекуна князя Василия Васильевича Шуйского от его брака с Анастасией, племянницей Василия III.

И вот в январе 1562 года Иван Дмитриевич был арестован за то, что он нарушил присягу, «хотел бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял». Почему Иван Дмитриевич Бельский собирался бежать именно в Литву, вполне понятно. По рождению он принадлежал к одной из самых знатных фамилий литовской знати — потомкам одного из старших сыновей великого князя Ольгерда, Владимира. И это при том, что правившая в Великом княжестве Литовском династия вела свое происхождение от Ягайлы — одного из младших сыновей Ольгерда от второго брака. Близкие родственники Бельского, князья Слуцкие, были крупнейшими православными магнатами в Литовском государстве (в своей «поручной записи» позднее Иван Дмитриевич специально обязывался «с своею братьею с Слуцкими князьми... не ссылатися ни человеком, ни грамотой»).

Но что заставило боярина, занимавшего высокое и почетное положение, решиться на столь рискованный и опасный (тем более в ус-

ловиях приближающейся войны между Россией и Великим княжеством Литовским) шаг? Ясно, что для этого нужны были очень серьезные причины, связанные с отношениями между боярином и царем. Но мы о них ничего не знаем.

Хотя факт совершения Бельским тяжелого преступления — государственной измены — был вполне доказан, ходатаями за арестованного выступили не только митрополит и собор епископов, но и большой круг светских лиц — пятеро бояр, потомки черниговских, тверских и ярославских князей, один из членов старомосковского боярского рода Морозовых, а также свыше сотни княжат, детей боярских и дьяков. И все это несмотря на то, что Иван IV сделал традиционные условия поручки гораздо более жесткими. Дело не ограничивалось тем, что поручители в случае повторного побега Бельского должны были внести в царскую казну огромную сумму в 10 тысяч рублей. В «поручную запись» было внесено новое небывалое условие — поручители на этот раз должны были отвечать не только деньгами, но и жизнью («наши поручниковы головы во княж Ивановы головы место»). Поручителей это, однако, не остановило. Их многочисленность весьма симптоматична: она говорит о том, что значительная часть правящей элиты нашла нужным так, в косвенной форме, дать понять, что не одобряет действий царя. Иван IV не ограничился составлением обычных поручных записей и потребовал еще особой присяги на верность со стороны «людей» — слуг и вассалов князя, но в марте 1562 года Бельский был освобожден и стал снова возглавлять Боярскую думу.

С осени 1562 года количество подобных конфликтов стало увеличиваться. 15 сентября 1562 года царь «наложил свою опалу на князя Михаила и Александра Воротынских за их изменные дела». В чем состояли эти «изменные дела», мы, к сожалению, ни из этой записи официальной летописи, ни из других источников узнать не можем. В Описи царского архива XVI века упоминаются «сыскной список и роспросные речи боярина князя Михаила Ивановича Воротынского людей», которые, очевидно, послужили основанием для наложения «опалы», но о содержании их мы ничего не знаем.

В кругах правящей элиты князья Воротынские, сменившие в конце XV века положение высокопоставленных вассалов великого князя Литовского на службу московским государям, занимали особое место, именуясь «служилыми князьями». На юго-западе России под их властью находились обширные владения, включавшие в себя целый ряд городов: Одоев, Новосиль, Перемышль и другие. В пределах своих владений они выступали как настоящие «государя», обладавшие всей полнотой власти и выдававшие жалованные грамоты своим вассалам. По свидетельству Курбского, у них было несколько тысяч военных слуг. Старший из братьев, Михаил, был выдающимся военачальником, сыгравшим большую роль при взятии Казани и позднее,

в военных действиях против крымских татар во второй половине 50-х годов XVI века. Князя отправились в ссылку на север: Михаил на Белоозеро, а Александр в Галич, владения же их («Новосиль, и Одов, и Перемышль, и на Воротынску их доли») были конфискованы. В мае 1563 года царь специально посетил свои новые владения.

29 октября 1562 года царь положил свою опалу на боярина князя Дмитрия Ивановича Курлятева «за его великие изменные дела», о которых мы опять ничего не знаем. Ясно одно — князь давно вызывал у царя Ивана особую ненависть. В своем Первом послании Курбскому, переполненном резкими выпадами против Сильвестра и Адашева и их «советников», царь в числе последних назвал по имени только одного — Курлятева: по убеждению царя, тот попал в Думу «лукавым советом» Сильвестра, который с его помощью намеревался утверждать в Думе свой «злой совет». Именно Курлятев, полагал царь, намеревался рассматривать его как одну из сторон в упомянутом выше судебном споре («нас с Курлятевым хотесте судити про Сицково»). Это так сильно задело царя, что много лет спустя, во Втором послании Курбскому, он снова вспомнил об этом деле, и это воспоминание вызвало другие воспоминания, связанные с дочерьми Курлятева, не понятные для нас, но полные раздражения. («А Курлятев был почему меня лучше? Ево дочерем всякое узорочье покупай, а моим дочерем проклято да за упокой».) Из этих высказываний видно, что острую неприязнь царя вызывал не только Курлятев, но и вся его семья — в чем и следует искать объяснение постигшего всю семью наказания.

Дмитрий Курлятев, его сын Иван, жена и две дочери были сильно пострижены в монахи, а затем всех отправили в далекие северные обители: Дмитрия Курлятева с сыном отвезли в Рождественский монастырь на остров Коневец на Ладожском озере, а женщин отправили в Челмогорскую пустынь в 43 верстах от Каргополя. Московские великие князья иногда прибегали к пострижению приближенных, вызывавших их недовольство. Так, в конце XV века по приказу Ивана III были пострижены в монахи его двоюродный брат князь Иван Юрьевич Патрикеев и сын Ивана Юрьевича Василий. Однако принудительное пострижение целой семьи, включая женщин и малолетних детей, выходило за принятые в древнерусском обществе нормы, и у Курбского были основания назвать происшедшее «неслыханным беззаконием». Поступая таким образом, царь явно хотел положить конец дальнейшему существованию семьи. Размышляя над всем этим, невольно приходишь к предположению, не пострадал ли Курлятев, подобно античной Ниобе, за неосторожные слова, в которых он как-то противопоставил своих здоровых дочерей умиравшим в младенчестве дочерям царя? Мечь Ивана IV оказалась не менее суровой, чем мечь Ниобе со стороны олимпийских богов.

Приказав постричь Курлятева с семьей в монастырь, царь тем самым хотел также исключить возможность «печаловаться» за него

со стороны церкви и своих светских советников. Это, однако, не значит, что институт «поруки» перестал действовать. В апреле 1563 года большая группа бояр выступила перед царем поручителями за князя Александра Ивановича Воротынского. Среди них был и один из близких советников царя — Иван Федорович Мстиславский. На этот раз царь потребовал от поручителей обязательства выплатить в случае отъезда князя сумму в полтора раза бóльшую, чем при составлении поручных записей по Бельскому, — 15 тысяч рублей. При разверстке среди поручителей на каждого сына боярского приходилось от 500 до 250 рублей — сумма, за которую можно было купить целое село с деревнями. Тем не менее снова свыше сотни детей боярских выразили готовность выступить в качестве поручителей. Когда в начале 1564 года царь наложил опалу на боярина Ивана Васильевича Большого Шереметева, одного из главных организаторов наступления на Крым в 50-х годах XVI века, в его защиту выступили представители целого ряда московских боярских родов во главе с боярином Иваном Петровичем Федоровым, всего свыше 80 детей боярских.

Царь был крайне недоволен созданным положением и позднее с раздражением писал: когда-де он, государь, «бояр своих и всех приказных людей похочет которых их в винах понаказати и посмотретьи и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, начали по них же государю царю и великому князю покрывати». Попытки царя избавиться от неугодных ему приближенных наталкивались на сопротивление членов правящей группы. Это не удивительно, если учесть, что элита дворянского сословия складывалась из довольно узкой группы знатных родов, тесно переплетенных родственными, служебными и земельными связями. Среди бояр, выступавших поручителями по опальным, мы встречаем не только будущих жертв опричнины, но и будущих видных опричников: так, поручители за князя Александра Воротынского бояре Алексей Данилович Басманов и Иван Яковлевич Чеботов в недалеком будущем станут членами опричной думы царя Ивана. Лишь узкий круг наиболее близких советников царя, которым он готов был доверить государство и сына в случае своей смерти, не принимал участия в ходатайствах по опальным. В начале 60-х годов XVI века подавляющая часть правящей элиты явно выражала свое беспокойство избранным царем образом действий.

И недовольство это вовсе не ограничивалось лишь кругом советников государя. Хотя поручителями за разных опальных были частично одни и те же лица, в целом в защиту подвергнутых репрессиям советников выступили сотни рядовых членов «государева двора», очевидно, связанные с опальными или их главными поручителями разнообразными связями.

Недовольство детей боярских находило свое выражение не только в их участии в составлении поручных записей. С начала 60-х годов начались побеги детей боярских в Литву, и это в условиях, когда отношения между государствами становились все более напряженными, а затем привели к открытой войне. Некоторые из беглецов были жертвами преследований и искали за рубежом спасения: так бежал в Литву стрелецкий голова Тимофей Тетерин, принудительно постриженный по приказу царя в Антониево-Сийском монастыре. Некоторые дворяне бежали прямо из готового к военному походу войска. Так поступил в 1563 году знатный дворянин Богдан Никитич Хлызнев Колычев, который «побеже из полков воеводских» и сообщил литовским воеводам «царев и великого князя ход к Полотцску с великим воинством». Побег стал столь обычным явлением, что при описании военных действий под Полоцком в 1564 году официальный летописец с удовлетворением отметил: «В государеве вотчине в городе Полотце всякие осадные люди, дал Бог, здорово: а толко один изменник государьской убежал с сторож к литовским людям, новоторжец сын боярский Осмой Михайлов сын Непейцына».

Руководящим политикам Великого княжества Литовского и Польши было хорошо известно о разногласиях между царем и дворянством, и они рассчитывали использовать эти разногласия в собственных интересах. Уже в конце 1561 года литовский гетман (главнокомандующий литовской армией) Миколай Радзивилл обратился с письмом к русским воеводам крепости Тарвас в Ливонии. Отметив, что «бездушный государь ваш без всякого милосердия и права, а з неизбежною опалою своею горла ваши берет», Радзивилл призвал воевод «з окрутства з неволи» перейти под власть Сигизмунда II. Когда в 1563 году собрался польский сейм, чтобы обсудить вопрос о помощи Великому княжеству Литовскому, которое вступило к этому времени в войну с Россией, в тронной речи участникам сейма сообщали, что король «надеется на то, что, если бы только войско его королевской милости показалось на Москве (то есть на русской территории. — *Б.Ф.*), много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством этого изверга, добровольно будут приставать к его королевской милости и переходить в его подданство со всеми своими владениями».

Если известия о разногласиях между царем и дворянством вызывали у литовских политиков определенные надежды и толкали их к более активным действиям, то, в свою очередь, доходившие до царя сведения об этих надеждах и действиях усиливали его сомнения в верности подданных. В этом смысле очень показательной представляется судьба воевод Тарваса. Хотя они и не вняли увещаниям гетмана Радзивилла и литовские войска взяли Тарвас лишь штурмом, царь положил на вернувшихся из плена воевод опалу и «розослал их... по городам в тюрьмы, а поместья их и вотчины велел... взять и роздать в роздачу».

В сложившейся ситуации снова осложнились отношения царя с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем. Долгие годы отношения эти были вполне нормальными. Еще в середине 50-х годов старицкий князь получил от царя земельные пожалования в Дмитровском уезде; он командовал войсками, стоявшими на Оке против крымских татар, участвовал вместе с царем в военных походах. Однако когда высшие слои дворянства стали проявлять недовольство действиями царя, Иван IV постарался ограничить связи знати со старицким князем. Так, в своей поручной записи князь Иван Дмитриевич Бельский брал на себя в отношении старицких князей обязательство «с ними не думати ни о чем, и съ их бояры и со всеми людьми не дружитися, и не ссылатися с ним ни о какове деле». Как правитель небольшого княжества Владимир Андреевич не представлял для царя опасности; иное дело, если бы недовольная знать стала выдвигать его как своего претендента на царский трон.

Летом 1563 года царь, находившийся тогда в одной из своих резиденций, Александровой слободе, получил донос от дьяка старицкого князя Савлука Иванова, «что княгиня Офросинья и сын ее князь Володимер многие неправды царю и великому князю чинят и того для держат его скована в тюрьме». Царь приказал доставить к себе Савлука, и «по его слову» были проведены «многие сыски», которые подтвердили справедливость обвинений. К сожалению, и на этот раз официальная летопись ни одним словом не объясняет, в чем состояли «многие неисправления и неправды» старицких князей перед Иваном IV. Одна деталь дала возможность исследователям высказать догадки о характере «неправд». В описи царского архива XVI века имеется помета, что 20 июля было послано царю во «княж Володимере деле Ондреевича» дело, «а в нем отъезд и пытка в княже Семенова деле Ростовского». О деле князя Семена Ростовского выше уже шла речь. Судя по сохранившимся свидетельствам, в нем приводились показания о том, что во время тяжелой болезни Ивана IV многие бояре вступили в тайные переговоры со старицким князем о возведении его на трон в случае смерти царя. Это позволяет думать, что в начале 60-х годов царь получил какие-то новые сведения о сношениях Владимира Андреевича с недовольной знатью.

Старицкий князь и его мать должны были покаяться в своих винах перед собором духовенства, и, по «печалованию» митрополита и епископов, Иван IV «гнев свой им отдал». Однако мать Владимира Андреевича, княгиня Евфросинья (якобы по ее собственному желанию), 5 августа была пострижена в монахини в Воскресенском девичьем монастыре на Белоозере. Тетку царя не постигла суровая судьба Курлятевых. Царь разрешил высокопоставленную инокиню «устроить ествою и питием и служебники и всякими обиходы по ее изволению». Евфросинью сопровождали 12 ближних боярынь и слуг, которым розданы были поместья близ обители. Одновременно «для бере-

женья» царь приставил к тетке своих доверенных людей, которые должны были контролировать ее контакты с внешним миром. Характер принятых мер показывает, что наиболее опасным для себя лицом царь считал не старицкого князя, а его мать, которую и лишил всякой возможности вмешиваться в политическую жизнь. Серьезные меры были приняты и по отношению к самому старицкому князю. Царь вернул ему «вотчину» — удельное княжество, но сменил все его окружение: «повеле государь быти своим бояром и дьяком и стольником и всяким приказным людем». Удельный князь оказался со всех сторон окружен царскими слугами, внимательно наблюдавшими за всеми его действиями и готовыми пресечь всякие нежелательные действия с его стороны. При хороших отношениях царя с элитой дворянского сословия в таких мерах не было бы необходимости, но мы уже могли убедиться в том, что эти отношения были далеки от нормальных.

Все это происходило на фоне осложнявшейся и ухудшавшейся международной обстановки. Не только для Сильвестра и Адашева, но и для царя большое столкновение с Великим княжеством Литовским из-за Ливонии казалось нежелательным, и он предпочел бы добиться соглашения с этим государством. Не случайно после смерти царицы Анастасии в августе 1560 года царь отправил к королю в Литву посольство во главе с окольным Федором Ивановичем Сукиным «напомянути его о вечном миру» и просить для царя руки сестры короля Екатерины. Но, в отличие от Сильвестра и Адашева, Иван полагал, что добиться этой цели можно не ограничивая, а расширяя военное вмешательство в Ливонии. Недовольный пассивностью своих воевод, царь весной 1560 года призвал к себе князя Андрея Курбского и просил его лично возглавить войско, ведущее войну против Ордена, «да охрабрится паки воинство». В мае в Ливонию двинулся «большой наряд» — армия во главе с одним из первых бояр — князем Иваном Федоровичем Мстиславским. Когда войска осадили один из главных городов Ливонии, Феллин, на выручку ему двинулись главные силы Ордена. 2 августа в битве под Эрмесом (Эргеме) армия Ордена была разбита. В плен попал сам командующий, один из первых чинов Ордена и ландмаршал Филипп фон Белль, и одиннадцать комтуров (начальников отдельных округов). После этого, 30 августа, Феллин сдался, и русские войска, не встречая сильного сопротивления, стали занимать один за другим ливонские замки. Орден как серьезная военная сила перестал существовать.

Царь, по-видимому, рассчитывал, что достигнутые русской армией успехи заставят Сигизмунда II отказаться от вмешательства в ливонские дела. Но он ошибся. Победы русских войск, напротив, ускорили переговоры о переходе владений Ордена под власть Сигизмунда II. Переговоры завершились соглашением, подписанным в Вильно 28 ноября 1561 года, по которому Ливонский орден ликвидиро-

вался. Г. Кеттлер, получивший в лен Курляндию, становился вассалом Сигизмунда II, а остальные земли Ордена должны были перейти под власть великого князя Литовского. С заключением соглашения у литовских политиков появились формальные основания претендовать и на те земли Ордена, которые были к тому времени заняты русскими войсками. Не дожидаясь оформления окончательного соглашения с Орденом, Сигизмунд II направил в Ливонию свои войска, и уже весной 1561 года между двумя государствами, Россией и Великим княжеством Литовским, начались военные действия, которые пока ограничивались рамками «Ливонской земли». В условиях, когда стало ясным военное бессилие Ордена и начался фактический распад Орденского государства, объявились и другие претенденты на его наследство.

После соглашений с епископом Эзельским в сентябре 1559 года остров Эзель (современный Сааремаа) стал владением принца Магнуса, брата датского короля Фредерика II. Затем в борьбу за Прибалтику вмешалась Швеция. В мае — июле 1561 года шведские войска заняли Ревель (современный Таллин) — крупнейший город и порт на севере Ливонии. В исторической перспективе это был первый важный шаг на пути превращения Балтийского моря в «шведское озеро», что было в значительной мере достигнуто в следующем XVII столетии.

Как видно из Первого послания Курбскому, ответственность за создавшееся невыгодное для России положение царь возлагал на воевод, которые действовали недостаточно энергично и решительно, не выполняли надлежащим образом его указаний и не сумели вовремя занять ливонские замки и выгнать из Ливонии литовские войска. Вы, обращался к воеводам царь, «литаонский язык и готфейский (шведский. — Б.Ф.) и ина множайшая воздвигосте на православие». Упреки царя были несправедливы. Разумеется, нельзя исключить, что воеводами были допущены те или иные ошибки, но не из-за этих ошибок в 1560—1561 годах не была достигнута главная стратегическая цель войны — подчинение Ливонии. Как показал весь опыт долголетней войны, не обладая флотом, нельзя было овладеть главными портами на побережье Прибалтики — Ригой и Ревелем, а не обладая этими портами, нельзя было добиться прочного подчинения Ливонии. Флота же в распоряжении русских воевод в 1560—1561 годах, разумеется, не было.

В сложившейся сложной ситуации в Москве было принято решение по истечении в 1562 году русско-литовского перемирия сосредоточить все силы на борьбе с Великим княжеством Литовским, установив пока мирные отношения с другими претендентами на ливонское наследство. Цель эта была успешно достигнута благодаря дипломатическому искусству дьяка Ивана Висковатого и боярина Алексея Даниловича Басманова, который к этому времени как руководитель русской внешней политики занял при царе то место, которое ра-

нее занимал Адашев. Летом 1561 года было заключено соглашение о долгосрочном перемирии со шведским королем Эриком XIV, а на последующих переговорах шведским послам дали понять, что в будущем царь готов обсудить вопрос о правах шведов на Ревель и некоторые ливонские города. С другим претендентом на ливонское наследие, датским королем Фредериком II, уже после начала войны с Великим княжеством Литовским летом 1562 года был заключен мирный договор, по которому Фредерик II в обмен на признание его прав на земли Эзельского епископства и несколько владений в Эстонии признал права Ивана IV на всю остальную Ливонию. По одной из статей соглашения русским купцам должен был быть выделен торговый двор в датской столице — Копенгагене. Для ратификации договора туда отправился сам Висковатый. Проявленная царем и его советниками гибкость способствовала тому, что в Ливонской войне на ближайшие годы у Русского государства остался только один противник — Литва, а Сигизмунд II, упорно добивавшийся признания своих прав на всю Ливонию, вступил в открытый конфликт с Эриком XIV и оказался вынужденным вести войну на двух фронтах.

Хотя срок перемирия между Россией и Великим княжеством Литовским истек весной 1562 года, лишь 30 ноября 1562 года царь выступил в большой поход на Литву. Целью похода было объявлено не только возвращение под власть законного монарха его старых «вотчин», незаконно захваченных литовскими великими князьями, но и освобождение православных, живущих в Великом княжестве Литовском от власти «христианских врагов иконоборцев», «люторские прелести еретиков». Поэтому поход царя на Литву выглядел «крестовым походом», подобным походам русского воинства на Казань, важным шагом по исполнению миссии, возложенной на монарха самим Богом. Выступлению в поход предшествовали многочисленные молебны, войско сопровождало многочисленное духовенство во главе с коломенским епископом Варлаамом и архимандритом Чудова монастыря Левкием. Духовенство везло с собою чудотворные реликвии — икону Божьей Матери Донской и крест святой Евфросинии Полоцкой. Присутствие последней реликвии было совсем не случайным, так как целью похода стал Полоцк — город и крепость на Западной Двине.

С началом военных действий выявились недостатки в военной организации Великого княжества Литовского. Здесь, как и в России, главной военной силой было дворянское ополчение. Существовали государственные акты, подобные соответствующим русским законам, которые устанавливали, сколько воинов следует выставить с определенного количества хозяйств — «дымов» и какие наказания ожидают тех, кто не явится на службу. Однако с расширением прав и привилегий дворянства, изменением его образа жизни все эти установления перестали строго соблюдаться. Превратившись, подобно ленникам Ливонского ордена, в сельских хозяев, которым вывоз хле-

ба в страны Западной Европы обеспечивал сравнительно высокий уровень жизни, литовские шляхтичи старались уклониться от тяжелой и опасной военной службы, а выборные представители дворянства, в руки которых постепенно переходила власть на местах, не желали налагать наказания на своих собратьев и старались скрывать их провинности перед государством. В итоге, когда были получены известия о приготовлениях русской армии к походу, власти Великого княжества не смогли своевременно собрать ополчение. Войска Ивана IV подошли к Полоцку и беспрепятственно осадили его. Крепость не смогла выдержать обстрела мощной московской артиллерии и 15 февраля 1563 года капитулировала.

План похода был хорошо продуман, и его успешное завершение стало тяжелым ударом для Великого княжества Литовского. Переход Полоцка под русскую власть ставил под русский контроль торговый путь по Западной Двине. По этому пути в Западную Европу шел хлеб, продажа которого была необходима для литовского дворянства. Условия для продолжения его борьбы за Ливонию резко ухудшились, а для русских войск открывался путь к столице Великого княжества Литовского — Вильне (современный Вильнюс). Царь имел основания надеяться, что после такого тяжелого удара Сигизмунд II будет вынужден прекратить войну и принять мир на предложенных Москвой условиях. Приехавшему в Москву в декабре 1563 года литовскому посольству дали понять, что царь готов заключить перемирие на 10 лет при условии, что Полоцк и земли в Ливонии, занятые русскими войсками, останутся под властью Ивана IV.

Заставить Сигизмунда II согласиться на заключение такого соглашения должно было новое наступление русских армий. Однако 26 января 1564 года главная из этих армий была разбита литовскими войсками под Улой. Погиб командующий армией Петр Иванович Шуйский, ряд полковых воевод попали в плен. Запись в официальной летописи, согласно которой «воеводы шли не по государьскому наказу, оплошася, не бережно и не полки, и доспехи свои и всякой служебной наряд везли на санех», показывает, что ответственность за эту серьезную неудачу царь снова возлагал на воевод, не выполнивших его указаний. Теперь трудно было надеяться, что Великое княжество Литовское согласится на мир, продиктованный в Москве. Война затягивалась, и исход ее становился неясным.

Одновременно стало осложняться положение на юге. В 1560 году, когда сохранялась надежда на возможность соглашения с Сигизмундом II, наступление на Крым продолжалось, хотя и в меньших размерах, чем ранее. В феврале 1560 года в Кабарду был послан князь Дмитрий Вишневецкий, чтобы оттуда «промышляти над крымским царем». Царь снова побуждал к действиям против Крыма ногайских мурз, в мае 1560 года для совместных действий с ногайцами отправил на Дон воеводу Данилу Чулкова, «а с ним козаков многих». Но когда

дело решительно пошло к большой войне с Великим княжеством Литовским, политику в отношении Крыма пришлось менять. В декабре 1561 года царь дал знать в Крым, что готов заключить с ханом мирный договор и выслать ему «добрые поминки». Наступившие перемены в русской политике сразу уловили князя западных адыгов, оставившие русскую службу, а также Дмитрий Вишневецкий, который отъехал в Литву. В царских грамотах в Крым имевшие место в прошлом конфликты объяснялись интригами «ближних людей», таких, как «Иван Шереметев, Алексей Адашев, Иван Михайлов», которые «ссорили» царя с ханом, за что Иван IV наложил на них свою опалу. В апреле 1563 года в Крым был послан сын боярский Афанасий Нагой для заключения мирного договора, но добиться этого московскому дипломату не удалось. Обстоятельства сложились так, что Нагому пришлось пробыть в Крыму долгих десять лет в крайне тяжелой и неблагоприятной для его миссии ситуации.

С вовлечением своих основных сил в большую войну на западе Русское государство было жизненно заинтересовано в сохранении мира с Крымом, но крымская знать хорошо понимала, что уход главных русских сил в Ливонию создает благоприятные условия для татарских набегов, и намерена была этим воспользоваться. Уже в мае 1562 года хан с царевичами приходил ко Мценску и разорил значительную часть Северной земли, а в 1564 году, взяв под стражу прибывших в Крым русских послов, хан со всей ордой вторгся в Рязанскую землю. Страна постепенно втягивалась в долгую затяжную войну на нескольких фронтах.

В этой сложной ситуации 30 апреля 1564 года бежал к Сигизмунду II русский наместник в Ливонии боярин и воевода князь Андрей Михайлович Курбский.